

Д. Ю. Вешняков*

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА

Развитие законодательства о труде в Российской империи начиная с создания Свода законов в 30-е годы XIX в. неизменно шло по пути качественного и количественного расширения. С течением времени законодательство о труде вышло далеко за пределы Т. X «О личном найме» Свода законов гражданских и получило свое дальнейшее развитие в виде особых положений не только в специальных актах, регулирующих отдельные сферы деятельности (Устав о сельском хозяйстве, Устав о промышленности фабрично-заводской и ремесленной, Устав путей сообщения и пр.), но и в актах, затрагивающих положение сословий. Например, нормы о найме труда «сибирских обывателей разных сословий и мезенских самоедов», а также калмыков содержались в Положении об инородцах. Кроме того, в ряде западных губерний России (Варшавской, Люблинской, Петроковской и др.) наем рабочих фабричной промышленности совершался на основании «общих местных постановлений», с дополнениями, вносимыми общероссийским законодательством о найме труда.¹

С расширением сферы действия трудового законодательства все более существенными становятся и вопросы безопасности труда. Показательным в этом отношении являются события конца 50-х годов XIX в. в Санкт-Петербурге. В тот период были отмечены увеличение числа несчастных случаев на механических петербургских заводах и чрезмерная эксплуатация малолетних на фабриках столицы. В 1859 г. при петербургском генерал-губернаторе П. Н. Игнатеве была образована комиссия, имеющая целью обследование фабричного быта и разработку различных мероприятий в данной области. Было обнаружено, что малолетние, начиная с 8-летнего возраста, работали по 14 часов в день, иногда и по ночам в ужасных санитарных условиях. В результате своей деятельности комиссия выработала «Проект правил для фабрик и заводов в Санкт-Петербурге и уезде», которые были сообщены всем директорам бумагопрядилен в Санкт-Петербурге и уезде, а также директорам всех крупных ткацких фабрик. Возражение против правил комиссии последовало только от одного бумагопрядильного фабриканта.²

Симптоматично в описанных событиях то, что внимание законодателя в этот период обращено, прежде всего, на «особые категории» работников (малолетние, женщины), чье положение в отношениях с работодателем является наиболее уязвимым. Общественное сознание, по-видимому, еще не было готово для создания универсальных норм об охране труда для всех категорий трудящихся и соответственно ограничения свободы трудового договора, которая казалась тогда почти абсолютной.

* Дмитрий Юрьевич Вешняков — аспирант кафедры уголовного права Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

© Д. Ю. Вешняков, 2012

E-mail: d.veshnyakov@yandex.ru

¹ Хохлов Е. Б. Очерки истории правового регулирования труда в России. Ч. 1. Правовое регулирование труда в Российской империи. СПб., 1999. С. 88–90.

² Там же. С. 33.

Именно таким путем шло развитие и уголовного законодательства Российской империи. Впервые нормы об ответственности за нарушение правил охраны труда появились в главе 17 «О нарушении постановлений о личном найме» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Статья 365 предусматривала ответственность за нарушение обязательных правил в отношении малолетних, женщин и подростков.

Не изменился подход законодателя и в Уголовном уложении 1903 г., которому так и не суждено было полностью вступить в силу.

Смена политической парадигмы стала основой для пересмотра подходов к охране безопасности труда и придания ей качественно нового значения. Не случайно вопросы охраны труда и ответственности за нарушение соответствующих норм были отмечены уже в одном из первых декретов СНК, изданных в 1918 г., «О 8-ми часовом рабочем дне».

27 апреля 1922 г. СНК издает декрет «О наказаниях за нарушение постановлений об охране труда», нормы которого практически без изменений вошли в дальнейшем в Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.

Статья 132 Кодекса предусматривала широкий круг деяний, за совершение которых предусматривалось наказание. Наряду с нарушением специальных правил охраны труда уголовная ответственность могла наступать также за нарушение положений о тарифе, продолжительности рабочего дня, сверхурочных часах, ночной работе, приеме и увольнении.

Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. обнаружил дальнейшую тенденцию уголовного законодательства охватить как можно более широкий круг деяний в сфере охраны труда. Статья 133 Кодекса предусматривала ответственность за нарушение законов, регулирующих применение труда, а равно законов и правил об охране труда и социальном страховании.

Интересен тот факт, что ответственность по УК РСФСР 1926 г. дифференцировалась не только в зависимости от того, является ли потерпевшим только один работник или нарушение затрагивает «группу не менее трех рабочих», но и от вида нормативного акта, которым предусмотрены правила охраны труда. Более строгое наказание данный Кодекс предусматривал согласно ч. 1 ст. 133 в отношении нанимателей, нарушивших положения законов об охране труда. Напротив, в соответствии с ч. 4 ст. 133 УК РСФСР 1926 г. нарушение правил охраны, предусмотренных местными органами власти в порядке обязательных постановлений, а также постановлениями, приказами и инструкциями Народного комиссариата труда, наказывалось менее строго. Тем не менее в судебной практике была выработана позиция, которая по существу нивелировала отмеченное различие.

Так, Пленум Верховного Суда РСФСР в разъяснениях от 19 апреля 1927 г. указал, что ч. 1 и 2 ст. 133 УК РСФСР охватывают лишь преступления против установленных действующим законодательством общих условий применения труда (прием и увольнение, рабочее время и время отдыха, зарплата и компенсации, соцстрахование и т. д.), а случаи нарушения требований в области охраны труда должны преследоваться по ч. 3 в уголовном или по ч. 4 в административном порядке.³ Несмотря на расхождение с буквой закона, такая позиция нашла поддержку в работах по уголовному праву.⁴

Отдельное внимание следует обратить на то, что заключение Верховного Суда РСФСР о том, что преступлением признается нарушение установленных законом требований в области охраны труда, а административными проступками — подзаконных

³ Цит. по: *Сахаров А. Б.* Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. М., 1958. С. 23.

⁴ См., напр.: *Слуцкий И. И.* Ответственность за нарушение правил по технике безопасности. Л., 1953. С. 20–71.

актов, изданных местными органами власти и отдельными ведомствами, являлось проекцией достаточно сильного заблуждения, существовавшего в то время в доктрине уголовного права и поддержанного такими видными деятелями науки, как З. А. Вышинская, Н. Д. Дурманов, А. Н. Трайнин. На необоснованность такой позиции уже в период действия УК РСФСР 1926 г. указывал А. Б. Сахаров.⁵

Другим не менее интересным фактом является то, что ст. 133 УК РСФСР 1926 г. располагалась в Главе пятой «Преступления хозяйственные». Трудно удержаться от прямой аналогии с положением личности в общественном механизме советской политической системы. Однако данное обстоятельство весьма красноречиво показывает отсутствие четкой позиции законодателя в отношении объекта уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере труда. По существу личность работника на рассматриваемом этапе не отделяется законодателем от общей системы хозяйствования и рассматривается как «особый» производственный фактор. Поэтому не случайно, что квалифицированный состав нарушения правил охраны труда (ч. 3 ст. 133 УК РСФСР) связывался законом не с причинением вреда здоровью или смерти работнику, которые вообще не выделялись в диспозиции статьи в качестве самостоятельных признаков состава преступления, а с потерей работником трудоспособности.

Новым этапом в развитии законодательства об уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда стало принятие УК РСФСР 1960 г.

УК РСФСР 1960 г. не только выделил состав нарушения правил охраны труда в качестве самостоятельного (ст. 140), но и поместил его в Главе 4 «Преступления против политических и трудовых прав», что, несомненно, было в духе «прогрессивной» Конституции СССР 1936 г.

Достоинством УК РСФСР 1960 г. было также и то, что система норм об ответственности в сфере труда получила упорядоченную форму. Законодатель сформулировал самостоятельные составы нарушения законодательства о труде (ст. 138), незаконного отказа в приеме на работу и незаконного увольнения (ст. 139), нарушения правил охраны труда (ст. 140) в виде отдельных статей. Данное обстоятельство не только имело значение для удобства применения уголовного закона, но и окончательно установило демаркационную линию в вопросе конкуренции общего состава нарушения законодательства о труде и специального — нарушения правил охраны труда, которая существовала в период действия УК РСФСР 1926 г.

Немаловажной особенностью УК РСФСР 1960 г. является уточнение субъекта рассматриваемого преступления, которым стали признаваться должностные лица. В отличие от УК РСФСР 1926 г., по которому субъектом нарушений правил охраны труда являлись «наниматели», УК РСФСР 1960 г. исходил из современных ему реалий плановой экономики и единственной формы собственности на средства производства. Именно поэтому вполне закономерно, что администрация предприятий и других хозяйствующих субъектов не была отделена УК РСФСР 1960 г. от системы государственного управления, а, напротив, признавалась ее составной частью и соответственно субъектом преступления.

Принятие Конституции РФ 1993 г. дало импульс развитию движения по защите прав человека. Вслед за изменением политической системы страны изменяются экономические модели хозяйствования, утверждается доминанта частной собственности на средства производства. Уголовное законодательство также претерпело определенные изменения.

⁵ Сахаров А. Б. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. С. 26–27.

В УК РФ 1996 г. ответственность за нарушение правил охраны труда предусмотрена в ст. 143 УК РФ, расположенной в Главе 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Существенным отличием от УК РСФСР 1960 г. стало признание субъектом преступных нарушений правил охраны труда лиц, ответственных за соблюдение указанных правил. Таким образом, было подчеркнуто, что уголовно-правовая охрана труда осуществляется независимо от форм собственности на средства производства и других обстоятельств.

УК РФ 1996 г. сохранил почти в неизменном виде объективные признаки состава преступления, предусмотренные УК РСФСР 1960 г. Исключением стало отсутствие особо квалифицированного состава нарушения правил охраны труда, предусматривавшего наступление смерти или причинение тяжкого вреда здоровью нескольким лицам. В настоящее время указанный квалифицированный состав также отсутствует в УК РФ 1996 г., несмотря на то что Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. ст. 215–219 УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за нарушения правил безопасности при производстве работ в различных отраслях, были дополнены частью третьей — «те же деяния, повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц».⁶

Диспозицию ст. 143 УК РФ нельзя назвать удачной по нескольким причинам. Сложности в применении ст. 143 УК РФ возникают вследствие диссонанса с современным трудовым законодательством РФ. Использование в ст. 143 УК РФ категорий «правила техники безопасности» и «иные правила охраны труда» в отличие от понятия «государственные нормативные требования охраны труда», предусмотренного ст. 211 ТК РФ, не имеет отсылки к нормативным актам определенного вида, что создает неопределенность в установлении пределов уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда.

Кроме того, требует нормативного решения вопрос об определении потерпевшего от преступных нарушений правил охраны труда, спор о котором не утихает на протяжении всего срока действия УК РФ 1996 г.⁷

Реформирование ст. 143 УК РФ на современном этапе является важным и необходимым шагом для построения единой концепции уголовно-правовой охраны безопасности труда в Российской Федерации. В условиях значительного усложнения экономических отношений развитие форм использования труда все чаще остается вне правового поля. На смену традиционным трудовым отношениям, для которых характерно наличие между работником и работодателем четко определенных прав и обязанностей, приходят новые формы использования труда — аутсорсинг (заемный труд), дистанционный труд и пр.⁸ Поэтому на повестке дня перед современным законодателем стоит новая задача — не допустить снижение юридических гарантий для работников. Свой вклад должно внести и уголовное законодательство, чему должен способствовать накопленный исторический опыт законодательной регламентации и правоприменения.

⁶ См., подробнее: Сулов С. В. Социально-криминологическая обусловленность совершенствования уголовно-правового обеспечения безопасных условий и гигиены труда // Следователь. 2004. № 6. С. 4–5.

⁷ Красиков А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 175; Мачковский Л. Г. Охрана личных, политических и трудовых прав в уголовном законодательстве России и зарубежных государств. М., 2004. С. 155; Уголовное право России. Особенная часть. Полутом 1 / Под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2005. С. 204; и др.

⁸ Орловский Ю. Правовое регулирование трудовых отношений в современных условиях // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 48–52.